ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ

"ONE CHURCH"

Vol. 7. No. 3 | March 1953 | Price 25¢

«И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного. Он возвел очи свои, и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер, и поклонился до земли. И сказал: Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего. И принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом».

Бытия, 18; 1-4.

ДУБРАВА МАМРЕ

Древний дуб, уцелевший около Хеврона на местожительстве праотца Авраама

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА ИЕРУСАЛИМСКОГО

БЛАЖЕННЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СВЯТОГО И СВЯЩЕННОГО СИНОДА СВЯТЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ, ВО ХРИСТЕ БОГЕ ВЕСЬМА ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ БРАТ И СОСЛУЖИТЕЛЬ НАШЕЙ МЕРНОСТИ, ГОСПОДИН АЛЕКСИЙ. ВАШЕ ВЫСОКОПОЧИТАЕМОЕ БЛАЖЕНСТВО, ЛОБЗАЯ ЛОБЗАНИЕМ СВЯТЫМ, СЕРДЕЧНО ПРИВЕТСТВУЕМ.

МЫ СВОЕВРЕМЕННО ПОЛУЧИЛИ СТОЛЬ ДОРОГОЕ ПИСЬМО ВАШЕГО ВЫСОКОПОЧИТАЕМОГО БЛАЖЕНСТВА ОТ 26-го ЧИСЛА ПРОШЕДШЕГО МЕСЯЦА СЕНТЯБРЯ. МЫ ПРОЧИТАЛИ ЕГО САМИ, А ПОТОМ ОБСУДИЛИ НА ЗАСЕДАНИИ НАШЕГО СВЯТОГО И СВЯЩЕННОГО СИНОДА, И СПЕШИМ СООБЩИТЬ ВАМ СЛЕДУЮЩЕЕ:

В ВЫШЕНАЗВАННОМ ПИСЬМЕ ВАША ГЛАВА ГОВОРИТ ОБ ЭМИГРИРОВАВШИХ РУССКИХ АРХИЕРЕЯХ И КЛИРИКАХ — ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЯХ, КОТОРЫЕ, ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ СВЯЩЕННОГО СИНОДА РУССКОЙ ЦЕРКВИ ОТ 22-го ИЮНЯ 1934 Г., ПОД № 50 и ОТ 10-го АВГУСТА 1945 Г., НАХОДЯТСЯ ПОД ПОЛНЫМ ЦЕРКОВНЫМ ЗАПРЕЩЕНИЕМ И ПОДЛЕЖАТ СУДУ.

НАШ СВЯТОЙ И СВЯЩЕННЫЙ СИНОД НА ПОСЛЕДНЕМ СВОЕМ ЗАСЕДАНИИ, ТЩАТЕЛЬНО ИССЛЕДОВАВ ЭТОТ ВАЖНЫЙ ВОПРОС, КОТОРЫЙ ОЧЕНЬ БЕСПОКОИТ ВАШЕ БЛАЖЕНСТВО И ВАШ СВЯТОЙ И СВЯЩЕННЫЙ СИНОД, ПОСТАНОВИЛ:

СВЯТЕЙШАЯ СИОНСКАЯ МАТЕРЬ ЦЕРКВЕЙ НЕ БУДЕТ ВХОДИТЬ НИ В КАКОЕ ОБЩЕНИЕ С НАХОДЯЩИМИСЯ ПОД ЦЕРКОВНЫМ ЗАПРЕЩЕНИЕМ РУССКИМИ ЕПИСКОПАМИ И КЛИРИКАМИ, ПОКА ОНИ НЕ ВОЗВРАТЯТСЯ К ИХ МАТЕРИ — РУССКОЙ ЦЕРКВИ И НЕ ВОССТАНОВЯТ КАНОНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ С НЕЙ.

СОГЛАСНО ЭТОМУ ПОСТАНОВЛЕНИЮ, МЫ НЕ РАЗРЕШИЛИ ПРИБЫВШЕМУ ИЗ АМЕРИКИ ВО СВЯТОЙ ГОРОД ИЕРУСАЛИМ РУССКОМУ ЕПИСКОПУ СЕРАФИМУ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЮ МИТРОПОЛИТА АНАСТАСИЯ, СВЯЩЕННОДЕЙСТВОВАТЬ ВО ВСЕСВЯТЫХ МЕСТАХ ПОКЛОНЕНИЯ. РАВНЫМ ОБРАЗОМ НАХОДЯЩЕГОСЯ ЗДЕСЬ ПРОЕЗДОМ АРХИМАНДРИТА ДИМИТРИЯ, НА КОТОРОГО МИТРОПОЛИТ АНАСТАСИЙ АНТИКАНОНИЧНО ВОЗЛОЖИЛ ОБЯЗАННОСТИ НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ РУССКОЙ МИССИИ В ИОРДАНИИ, МЫ НЕ ПРИЗНАЛИ И НЕ РАЗРЕШИЛИ ЕМУ СЛУЖИТЬ С НАШИМИ КЛИРИКАМИ ВО ВСЕСВЯТЫХ МЕСТАХ ПОКЛОНЕНИЯ.

ДОВОДЯ ЭТО ДО СВЕДЕНИЯ ВАШЕГО ВЫСОКОПОЧИТАЕМОГО БЛАЖЕНСТВА, УВЕРЯЕМ ВАС, ЧТО В НАШИХ КО ГОСПОДУ МОЛИТВАХ МЫ УСЕРДНО МОЛИМСЯ О МИРЕ И БЛАГОСОСТОЯНИИ СВЯТЕЙШЕЙ СЕСТРЫ — РУССКОЙ ЦЕРКВИ И О ВОЗВРАЩЕНИИ В НЕДРА ЕЕ ВДАЛИ НАХОДЯЩИХСЯ ЧАД ЕЕ. ЗАТЕМ С БРАТСКИМ РАСПОЛОЖЕНИЕМ СНОВА ЛОБЗАЕМ ВАШУ ЛЮБОВЬ ЛОБЗАНИЕМ СВЯТЫМ И ПРЕБЫВАЕМ

ВО СВЯТОМ ГОРОДЕ ИЕРУСАЛИМЕ, 1952, ОКТЯБРЯ 29-го,
ВАШЕГО ВЫСОКОПОЧИТАЕМОГО БЛАЖЕНСТВА
ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ ВО ХРИСТЕ БРАТ

ТИМОФЕЙ

ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ

Официальный ежемесячный журнал
Экзархата Русской Православной Церкви в Америке
Главный Редактор — С. И. Гусев-Оренбургский

Подписка на год — 3 доллара. За-границу — 4 доллара. Отдельный номер — 25 центов.

One Church

15 East 97th Street, New York 29, N. Y. Tel.: AT 9-1915.

Official Journal of the Russian Orthodox Catholic Church.
Publisher: Archdiocese of the Aleutian Islands and North America.
Editor in Chief: S. I. Gussiev-Orenburgsky.

Subscription in U. S. $3.00; Abroad $4.00 per year. **Single issue: 25 c**

Editorial Board:

Archbishop Adam
S. I. Gussiev-Orenburgsky
Prince A. M. Putiatin
N. V. Stember
Rev. D. Abramtsov
P. A. Krochta.

ГОЛОС МАТЕРИ ВСЕХ ЦЕРКВЕЙ

В настоящем номере «Единой Церкви» приводится текст послания Блаженнейшего Тимофея, Патриарха Иерусалимского и всея Палестины Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси. Многих в расколе сущих это послание поразит. Преемник апостолов Андрея Первозванного и Иакова, Брата Господня, страж Всесвятых Мест Поклонения — Храма Воскресения с Голгофой и пещерой Гроба Господня в Иерусалиме, Храма Рождества Христова с Яслями в Вифлееме — уведомляет Патриарха Алексия от имени Святейшей Сионской Матери Церквей, что русские зарубежные раскольники не будут допускаться к священнодействию у этих величайших христианских Святынь и к сослужению с духовенством Иерусалимского Патриарха. Патриарх Тимофей сообщает также, что это отстранение схизматиков уже применяется и, что прибывший было в Иерусалим из Америки епископ Серафим не был допущен к служению у Гроба Господня.

Понял ли этот епископ, в какое трагическое положение он поставил себя, когда Патриарх Святой Земли вынужден был отвергнуть его, как недостойного совершить таинство Евхаристии в самом святом из храмов христианского мира?.. Это дело его совести. Но факт разрыва схизматиков с Церковью есть дело всех православных христиан. Раскольники, порывающие со своей Матерью-Церковью, отпадают не от одной лишь Поместной Церкви (в данном случае — Русской), а и от всей Вселенской Церкви. Церковь есть Тело Христово, неделимое и единое. Поместные Церкви — члены этого Тела и каждый из членов обладает полнотой и неделимым единством всего Тела. Поместная автокефалия определяется канонами, то-есть законами Церкви, всей Церкви, установленными Духом Святым, говорившим через Вселенские Соборы. Состоя в одной из Автокефальных Поместных Церквей, человек, ТЕМ САМЫМ, состоит в Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Порывая с одной из Автокефальных Поместных Церквей, человек, ТЕМ САМЫМ, порывает с Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церковью.

БЛАЖЕННЕЙШИЙ ТИМОФЕЙ,
Патриарх Святого Града Иерусалима и всея Палестины, Аравии, Заиорданской Земли, Каны Галилейской и Святого Сиона.

И этого факта ничем изменить, преодолеть или опровергнуть нельзя. Как бы ни именовали себя самих люди, самочинно отделяющиеся от Церкви,

они — раскольники. В наше время некоторые русские, родившиеся в Православной Церкви и крещенные в ней, вышли из нее по соображениям мирским, земным. Вышли они не из Русской Автокефальной Поместной Церкви, а ИЗ ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ. Как сказал покойный архиепископ Астраханский Филипп (некролог которого также печатается в настоящем номере «Единой Церкви») в приветственном слове Патриарху Алексию в момент его избрания на московский патриарший престол, «теперь... мир, по слову Апостола, «весь во зле лежащий», употребляет все усилия, чтобы с неправдой своей и лукавством своим проникнуть даже в ограду Церкви Христовой, когда даже здесь бывают попытки тонкой подмены истины Христовой, смешения правды Божией с правдой человеческой». Раскол наших дней основан именно на попытке смешения правды Божией с правдой человеческой.

Непокорных архиереев, мятежных клириков и бушующих мирян среди русских в революционную эпоху было немало. Они не были согласны между собою и делились на различные толки и «юрисдикции». Но всех их, вместе взятых, можно подразделить на две группы или секты: живоцерковную и зарубежную. В обоих случаях раскольники пытались противопоставить себя Церкви, как бы «заменить» собою Церковь. Этот факт и определяет их СЕКТАНТСКУЮ природу. На попытку внесения смуту в одну из Автокефальных Поместных Церквей-Сестер, неминуемо должна была реагировать ВСЯ Вселенская Церковь.

Когда одна из Сестер-Церквей — будь-то наиболее многочисленная Русская или наиболее малочисленная Синайская — налагается запрещение на отколовшихся от нее членов, эти последние оказываются под схизмой. Если это происходит с целой территориальной областью, есть еще надежда на исцеление раскола путем дарования такой группе самоуправления и даже полной автокефалии, как это произошло с Церковью Болгарской и, после покаяния, с Польской. Но, когда раскол затевается «в рассеянии сущими» и когда речь идет уже не об административном самоуправстве, а о поношении Матери-Церкви и тем самым о хуле на Духа Святого, благодать которого этой Церковью водительствует, то отвержение схизматиков всей Церковью Христовой становится неизбежным.

Раскольникам нашего времени есть еще выход из трагического тупика, в который они забрели. Это — покаяние. Они уже под запрещением и ПОД СУДОМ. По неизмеримому милосердию их Матери-Церкви и ее предстоятеля Святейшего Патриарха Алексия суд этот еще не вынес окончательного приговора. Раскольные клирики еще не лишены сана и не отлучены от Церкви... Но недавно в Америке они могли услышать голос гражданского суда, который указал им на то, что церковная власть есть власть Церкви. Теперь они должны слышать голос древнейшей Церкви — Матери Церквей — святейшей Церкви Иерусалимской, Сионской. Пусть же вспомнят они, что попытка раздирания Тела Христова — САМЫЙ СТАШНЫЙ ГРЕХ для христиан.

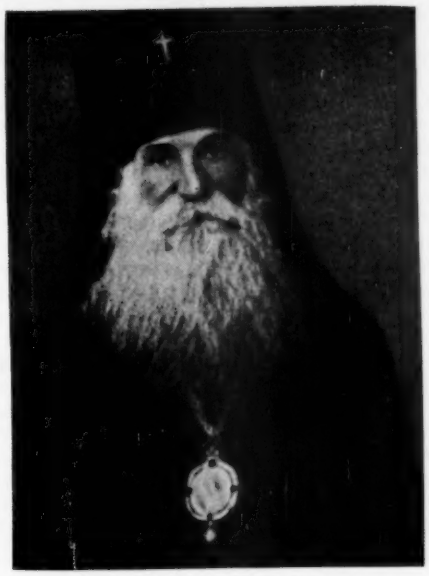
КОНЧИНА АРХИЕПИСКОПА ФИЛИППА

В Америке только что получена скорбная весть о кончине одного из старейших иерархов Русской Церкви — Преосвященного Филиппа (Ставицкого), архиепископа Астраханского и Саратовского, памятного русским американцам-старожилам бывшего епископа Аляскинского, возведенного в архиерейский сан в 1916 г. в Свято-Николаевском кафедральном соборе в Нью-Иорке.

Владыка Филипп скончался 12-го декабря 1952 года от кровоизлияния в мозг во время пребывания в Москве. Родился он 14-го апреля 1884 г. в семье священника гор. Новограда-Волынска о. Стефана Ставицкого. Образование получил в Волынской духовной семинарии в гор. Житомире, а затем в Московской Духовной Академии. Иеромонахом, по окончании Академии, он в 1910 г. назначается миссионером Черниговской епархии для борьбы с сектантством. Через год он переводится на ту же работу в Киевскую епархию. Он проявляет на этом поприще редкую неутомимость, постоянно разъезжая по селам, ведя диспуты и беседы с сектантами, издавая противосектантские брошюры и листки.

Правящий епископ Алеутский и Северо-Американской епархии преосвященный Евдоким, знавший иеромонаха Филиппа по Московской Духовной Академии, ходатайствует о присылке его в Америку для возглавления Генефлайской духовной семинарии (в штате Нью-Джерзей). С назначением ректором этой семинарии о. Филипп возводится в сан архимандрита. Всего один год ректорствует он там, но за это время успевает показать себя «смелым, горячим и красноречивым защитником Православной Церкви и идеалов русских и общеславянских», — как пишет биограф его в «Церковных Ведомостях».

В день Преображения Господня, 6 августа 1916 г. архимандрит Филипп возводится в сан епископа Аляскинского. Архиерейскую хиротонию его совершали архиепископ Евдоким, епископ Александр (ныне здравствующий архиепископ Брюссельский и Бельгийский) и митрополит Герман Антиохийской Церкви. Молодым 32-летним епископом преосвященный Филипп направляется на место своего нового служения в далекий северный край за Полярным кругом.



ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ФИЛИПП,
Архиепископ Астраханский и Саратовский
(† 12-го декабря 1952 г.)

В 1917 г. епископ Филипп возвращается в Россию и принимает участие в Поместном Соборе Русской Церкви, избравшем Святейшего Патриарха Тихона. Затем он назначается на Смоленскую кафедру. В 1944 г. в сане архиепископа Владыка Филипп назначается на Астраханскую кафедру. Не щадя сил своих, он принимается за церковное устройство епархии: открывает приходы, подбирает и назначает священников, неутомимо совершает богослужения, проповедует, строго наблюдает за соблюдением уставности и благолепия церковной службы.

В 1945 году на Поместном Соборе Русской Церкви, как один из старейших русских иерархов, архиепископ Филипп произносит приветственное слово только что настолованному Святейшему Патриарху Алексию: «Собор епископов Православной Русской Церкви с чувством невыразимой радости приветствует тебя, возлюбленнейший избранник наш!» — сказал он, — «в великих исторических условиях мировой жизни и небывалых еще в истории Церкви Русской обстоятельствах, когда вся Вселенская Православная Церковь в лице своих предстоятелей и представителей соединилась с ним в духовном, молитвенно-братском общении здесь, в сердце нашей дорогой Родины, изволением Святого Духа, десницею Всевышнего, одними устами, одним сердцем, одной волею епископов, представителей клира и мирян Церкви Русской избран ты на престол первосвятителей Московских Патриархом Московским и всея Руси...».

«Когда я открыл книгу жизни, слово Божие, чтобы узнать, что возглаголет Господь о тебе в эту величайшую историческую минуту нашей родной Церкви, я прочел следующие навеки незабвенные, драгоценнейшие слова великого апостола языков: «Мы во всём являем себя, как служители Божии... в слове истины, с оружием правды в правой и левой руке» (2 Кор. 6, 7). И облобызал я с любовью и умилением эти золотые слова великого Павла и сказал в сердце своем: да, если когда, то именно теперь, когда мир, по слову Апостола, «весь во зле лежащий» употребляет все усилия, чтобы с неправдой своей и лукавством своим проникнуть даже в ограду Церкви Христовой, когда даже здесь бывают попытки тонкой подмены истины Христовой, смешения правды Божией с правдой человеческой, — тебе, как главе Церкви Русской, предстоит быть на страже истины Христовой «с оружием правды в правой и левой руке».

«Отныне ты будешь носить высокое наименование: «Святейший отец». В нем сосредоточиваются самые светлые, самые прекрасные, самые великие идеалы, чаяния и ожидания православного русского народа. Отныне сердца всех сынов Церкви Русской с верой будут устремлены к тебе, как к носителю истины Христовой, правды церковной, совести христианской. Если кто, то именно русский верующий народ любит правду, алчет и жаждет правды, тоскует по правде, чает того «нового неба и той новой земли, где правда живет». Твое имя будет навеки благословенно, когда этот народ-правдолюбец будет всегда видеть в тебе твердого и непоколебимого поборника правды Христовой».

«Скажешь: это — подвиг».

«Да, ныне это — великий подвиг».

«Но разве не поспешат к тебе с небесной помощью те навеки незабвенные первосвятители московские, на престол которых ты вступаешь ныне, и особенно Филипп, Ермоген и Никон, которым правда Христова была дороже жизни?».

«Разве случайность то знаменательное событие, которое мы с такой радостью, с таким восторгом ныне созерцаем? Ведь в лице сих бесконечно дорогих ангелов и представителей Восточных Церквей как бы вся Вселенская Церковь будет молиться с нами, чтобы Бог правды укрепил твои силы в великом подвиге правды. А мы, соработники твои, всякий раз, когда будем предстоять престолу Всевышнего, вечного «Солнца правды», с возлежащим на нем Агнцем, за мир, за правду вечную закланным, разве не будем мы с глубокой верой и любовью молиться о тебе: «В первых помяни, Господи, Святейшего отца нашего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, его же даруй святей Твоей Церкви в мире, цела, честна, здрава, долгоденствующа, право правяща слово Твоея истины»...

«И эта сила молитвы будет укреплять тебя в подвиге твоем».

«И ты, в эти великие и священные дни жизни твоей, обвеянный, облагоуханный молитвой Церк-

ви за тебя, осененный благодатию Св. Духа, воздохни с дерзновенной верой и о нас, собратьях твоих, к Пастыреначальнику нашему словами Его предсмертной молитвы к небесному отцу: «Освяти их истиною Твоею» (Ио. 17, 17); в любви, единосущии и единомыслии сохрани их, «и да будут все едино» (Ио. 17, 21); Церковь Твою утверди, миром огради и церковные соблазны утоли и всех сынов ее в Твое Царство приими».

«А теперь, по древнерусскому православному обычаю, прими от нас, дорогой избранник наш, земной поклон с горячим молитвенным пожеланием долгие годы украшать Христову Церковь, вести корабль церковный по пути правды Христовой, нести великий и ответственнейший подвиг свой бодро, мужественно, с верой в воздаяние, чтобы к концу его ты мог сказать устами св. Павла: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его» (2 Тим. 4, 7-8)».

Мы воспроизвели тут целиком замечательную речь архиепископа Филиппа не только потому, что самый факт произнесения ее от лица всей Русской Церкви, был важным событием в его святительской жизни, но и потому, что этот образец архипастырской прямоты и церковного красноречия рисует духовный образ почившего Владыки, как стойкого и воодушевленного стоятеля за правду Христову.

В первый год патриаршества Святейшего Алексия архиепископ Филипп был награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. С февраля 1949 г. ему поручается управление и Саратовской епархией. Таким образом под его духовным водительством оказывается фактически целая митрополия с такими крупными городами, как Сталинград, Саратов и Астрахань. Много внимания Владыка Филипп уделяет духовной семинарии в Саратове.

О внезапной кончине его Святейший Патриарх уведомил его осиротевшую паству телеграммой, в которой указывал, что смерть Преосвященного Филиппа «является тяжелой утратой не только для астраханской паствы, но и для всей Русской Православной Церкви». 13-го декабря Святейший Патриарх Алексий в сослужении архиепископа можайского Макария и столичного духовенства совершил в храме Новодевичьего монастыря панихиду у гроба покойного Владыки. 14-го декабря, после заупокойной литургии, совершенной Владыкой Макарием, под звон колоколов и при пении «Святый Боже», гроб почившего иерарха был медленно вынесен из храма и установлен на погребальный автомобиль, на котором почивший архиепископ Филипп совершил последний свой путь из столицы на аэродром и затем самолетом в дорогую ему Астрахань.

Десятки тысяч астраханцев заполнили прилегающие к собору улицы и площадь для встречи тела своего архипастыря. Торжественно звучит входное «Достойно...». Теплое слово несется с амвона. Прибывший по повелению Святейшего Патриарха на похороны, Преосвященный Никон, архиепископ Херсонский и Одесский, в прочувствованных словах характеризует покойного Владыку. Торжественно совершается панихида. Проникновенно поют любимые почившим хоры.

Две ночи и два дня не закрываются двери исторического собора; медленно движется беспрерывная вереница людей; идут мужчины и женщины, молодые и пожилые, идут целыми семьями, чтобы проститься с любимым архипастырем, чтобы в последний раз поцеловать его святительскую десницу.

Эта любовь народная явилась достойной наградой почившему святителю, чья жизнь и архипастырский подвиг явили собой пример служения Церкви Христовой в «духе силы, любви и целомудрия».

17-го декабря, после торжественной литургии и отпевания, совершенных архиепископом Никоном с многочисленным духовенством, гроб с телом покойного архиепископа Филиппа был обнесен вокруг собора и погребен в особом склепе в стене храма, возле левого алтаря.

К КОНЧИНЕ АРХИЕПИСКОПА СЕРГИЯ

В январском номере «Единой Церкви» сообщалось о кончине архиепископа Казанского и Чистопольского Сергия (Королева), бывшего епископа Пражского, прожившего 32 года за рубежом своей Родины. Теперь получены более подробные сведения о его похоронах, имевших место 21-го декабря и которые возглавлял прибывший из Москвы архиепископ Можайский Макарий. Заупокойная литургия и отпевание были совершены соборне при участии казанского городского духовенства и представителей сельского духовенства, а также духовенства соседней Чебоксарской епархии.

Общие чувства собравшихся толп народа выразил Владыка Макарий, сказавший в своем надгробном слове: «Твоих достоинств не выразить словами, слава твоя — это весь народ, собравшийся проводить тебя». На литургии и погребении верующими были переполнены храм, пространство внутри ограды и площадь вокруг церкви. И не одна, а тысячи искренних слез были пролиты у гроба этого доброго и кроткого архипастыря и неустанного молитвенника. Лишь два года с небольшим занимал покойный Владыка Казанскую кафедру, но за это время он сумел приобрести любовь и почитание всей своей паствы, которая не забудет его отзывчивости к людскому горю, простоты в обращении, доступности и снисхождения к человеческим недостаткам и слабостям.

АМЕРИКАНСКИЙ ПАЛОМНИК В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Место первого появления Пресвятой Троицы

«И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного». — Так начинает 18-ая глава книги Бытия описание первого ветхозаветного явления Пресвятой Троицы праотцу Аврааму. Шатер свой поставил Авраам в богатой прекрасной долине, раскинутой на плоскогорье, лежащем по прямой линии на юг от Иерусалима, миль двадцать проехав Вифлеем. Обилие источников делает эту местность цветущим садом, дающим посетителю истинное впечатление богатства Земли Обетованной.

Эта райская долина — святое место, где впервые была открыта человеку основа Православной Веры — великая тайна Животворящей Троицы. Чудом Божиим и отмечено это место из рода в род до наших поколений: без малого пять тысяч лет стоит тот дуб великий, под сенью которого Авраам беседовал с Господом.

Скептическая улыбка не редко проскальзывает на лице собеседника при этих словах и порой способна смутить и некоторые благонастроенные души. Но тот, кто был там, кто обошел вокруг могучего корня этого единственного во всей окружающей местности чудо-дуба, у того усмешка быстро сменится выражением удивления и благоговения. Для того, чтобы отдать себе отчет о его размерах, а следовательно, возрасте, посмотрите на моем снимке на ограду, охватывающую этот грандиозный корень. Конечно, не под этим позднейшим, хотя и многовековым отпрыском, до сего дня покрытым листьями и ежегодно приносящем желуди, расположились тогда Три Странника; но, если скептик хочет настаивать на том, что Авраам под этим дубом не сидел, то, во всяком случае, у вас сомнения не может быть в том, что дуб-то этот при Аврааме несомненно уже стоял.

Итак, прожил Авраам в этой цветущей стране, которую дал Господь ему и потомству его. И «похоронил Сарру, жену свою, в пещере поля в Махпеле, против Мамре, что ныне Хеврон...». Когда же пришел конец и его дням, то «погребли его Исаак и

ТРОИЦА

Знаменитая икона, написанная Андреем Рублевым (начало XV века) на тему посещения Авраама Господом у дубравы Мамре.

Оригинал «Троицы» хранится ныне в Государственной Третьяковской Галлерее в Москве. Ранее помещался в иконостасе Троице-Сергиевой Лавры, где в настоящщее время заменен точной копией.

НА БЕРЕГУ ИОРДАНА

На первом плане настоятель монастыря Иоанна Предтечи архимандрит Мелетий и иеродиакон Василий.

Измаил, сыновья его, в пещере Махпеле... там погребены Авраам и Сарра». У поля Махпеле против дубравы Мамре, то-есть всего лишь в трех километрах от старца-дуба расположен древний Хеврон. Когда-то стольный город царя Давида, Хеврон теперь ревностно оберегается арабами и от евреев, и от христиан и является одним из воинствующих центров мусульманской нетерпимости.

У гробниц ветхозаветных праотцов

На окрайне города на возвышенном месте над самой пещерой Махпелой царем Константином была построена церковь, на развалинах которой воздвигнута огромная мечеть. Не надо забывать, что ветхозаветные праотцы — Авраам и его ближайшие потомки — являются прямыми предками арабов и глубоко ими почитаются. У входа в эту мечеть — большая надпись, объявляющая, что христианам входить в нее строго воспрещается. Тем не менее, благодаря безграничной любезности Блаженнейшего Патриарха, Патриархия испросила у мусульманских властей особое для меня разрешение и под эскортом местного жандарма мы с о. Василием посетили эти древние гробницы.

Молодой мулла холодно, но очень корректно принял наши «креденции» и провел в мечеть. В притворе с обеих сторон за узорными решетками, как бы в отдельных комнатах (внутренность которых видно только сквозь эту решетку), стоят колоссальные гробницы-надгробные памятники: направо — Авраама, налево — Сарры. Гробницы, высотою в полтора-два человеческих роста, покрыты богатыми шелковыми тканями темно-красного или темно-зеленого цвета с золотыми арабскими надписями. В центральной части мечети, опять-таки с двух сторон в закрытых отдельных часовнях с такими же кованными решетками, стоят гробницы несколько меньшего размера Исаака и Ревекки. На левой стене сохранилась, выгравированная на камне, греческая надпись еще христианского, первых веков, храма. У входа же в мечеть огороженный люк или колодец вдет в глубину пещеры, но туда, как объяснил мне мулла, никто не спускается, чтобы хранить уважение к покою там погребенных. От центральной части мечети направо отходит галлерея, где мы прошли мимо подобной же гробницы Иакова (могила Рахили находится неподалеку от Вифлеема на еврейской стороне); и, наконец огромного размера в большом отдельном помещении, но, как всегда, огороженном, стоит гробница Прекрасного Иосифа. Здесь шелковые материи в светлых голубых и зеленых тонах.

Конечно, в мечети было много показано нам драгоценных и красивых восточной работы предметов и украшений, но все внимание было поглощено необыкновенным впечатлением, производимым близостью к этим древним людям — древнейшим духовным нашим праотцам, так много в сравнении с нашими современниками, знавшим и видавшим. Близость к праху их, тут на их земле, где были их жилища, где еще умели они разговаривать с Богом!

На Иордане

На некотором расстоянии от Хеврона на восток идет крутой пустынный спуск глубоко к Мертвому морю. Когда-то плодороднейшая местность из всей окрестности, избранная Лотом, «как сад Господень, как земля Египетская», страна сия навлекла на себя гнев Божий и, засыпанная камнями и сожженная пеплом, она представляет собой теперь пу-

Вход в монастырь Исанна Предтечи на берегу Иордана.

стыню, лишенную всего живого. Вода Мертвого моря, как слеза, — чиста и горька. 42-процентный соленый раствор убил в ней и далеко по берегам вокруг всякий живой организм. Ни травинки, ни молюска. Случится забрести неосторожной рыбке из Иордана в Мертвое море, ей больше не вернуться. Убитая и просоленная, она будет выкинута на берег.

Иордан и Мертвое море — два символа, данные людям рядом в образе воды: Иордан — завет крещения, символ вечной жизни. Мертвое море — памятник возмездия за грех, символ смерти. Иордан со страшно быстрым течением, обильный рыбой, окаймленный богатой растительностью, то и дело пересекаемый очаровательными, какими-то сине-зелеными птичками, оживляет даже дикую пустыню. Мертвое море превратило одну из самых плодородных стран мира в страну, внушающую только тоску и страх, где гаду даже негде приютиться. У северных берегов на 50 миль в длину раскинувшегося моря, стоят развалины асфальтовых заводов, разбитых бомбардировкой последней войны. Еще один неоспоримый памятник греха человеческого и бича Божия.

Не нужно людям забывать Мертвого моря. Со страхом разок и взглянуть на него полезно. Но не хочется даже мысленно оставаться там. И вот спешим теперь скорее к, хотя и мутным, но сладким, быстрым, живым потокам Иордана.

На берегу этой святой реки, напротив Вифавары и у пещеры, где, по преданию жил сам великий пророк Предтеча, стоит, окруженный белой каменной оградой, монастырь его имени. Перед входом одинокая финиковая пальма; над воротами скромная звонница. В церкви нас встретил старенький радушный архимандрит Мелетий, который, взяв с собой епитрахиль, крест и Евангелие, спустился с нами к песчаному заросшему берегу. Мы все трое вошли во вросшую тут же в ил лодку и мои отцы-спутники пропели дивный водосвятный молебен.

Я с детства бывал на Иордани; я помню крещенские парады на Неве у проруби, окруженной священными знаменами, блестящий крестный ход, колокольный звон, далеко разносящиеся по морозному воздуху звуки «Коль славен наш Господь в Сионе...» — как все это было торжественно, благолепно, но как далеко все это от величия момента погружения креста и подножья самого Сиона в бегущую волну настоящего Иордана!

Не мало чудесных событий произошло у этих берегов: примерно в том же месте, где стояла наша лодка, предводимый Иисусом Навином, израильский народ перенес Ковчег Завета, направляясь к стенам Иерихона. Недалеко здесь монастырь св. Герасима, которому верно служил приставший к нему в пустыне лев; а в другую сторону предание указывает на место, где огненная колесница восхитила пророка Илию; эти же воды Иордана рассек своим плащем пророк Елисей и прошел по сухому дну, возвращаясь в Иерусалим.

Гора Искушения

Но мы не будем сейчас отвлекаться эпизодами и поспешим по следам Христа, — как пошел Он после Крещения мимо Иерихона на Сорокадневную гору — гору Искушения. Над сочными банановыми и апельсиновыми рощами возвышается эта суровая гора Великого Поста Господня.

«Есть гора высока и велика вельми. В той горе есть пещера высока зело и в той пещере постился есть Христос, Бог наш, 40 дней, последи же взалка». Так пишет об этой горе в своем «Хождении в Святую Землю» в 1108 году первый известный истории русский паломник благочестивый игумен Даниил.

Пещера эта заключена теперь в монастырь, красиво гнездящийся на обрывистых скалах. Но это не единственная пещера на Сорокадневной горе. Все склоны ее покрыты пещерами, в которых за эти 19 веков перебывали тысячи и тысячи молитвенников. Почти все святые отцы, прославленные в Палестине подвизались тут, а также и те, кто издалека приходили поклониться Гробу Господню. Не мало времени провел в пещере Господней в молитве и посте святой Савва Освященный. Многие проводили здесь пост, днями и неделями не вкушая никакой пищи. А были такие, как, например, преподобный Герасим Новый, которые ради подражания Христу 40 дней не вкусили ничего.

Но не постом страшна эта гора. А искушением. Пост есть добровольное воздержание, предписанное не для тоски и огорчения, а для хранения бодрости и радости. «Когда постишься, помажь главу твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не

Иеродиакон Василий на фоне монастыря Феодосия Великого.

перед людьми, но перед Отцом твоим». Умой лице твое, а не черни лоб твой, чтобы показать людям, что ты постишься, как это делают некоторые, следующие другому учению. Пост есть даруемое нам оружие, отгоняющее от нас диавола, ибо «сей же род изгоняется только молитвой и постом».

Но на этой горе даже к Христу дерзнул подойти искуситель. Здесь на этой горе мы видим примеры всех видов искушения: соблазн материального довольства, искушение схоластикой и софизмом и наконец самый тяжелый из видов искушения, построенный на человеческой гордыне — тщеславие, страсть к славе земной и стремление к власти.

Монастырь Феодосия Великого

В горах, окружающих Иерусалим, есть много еще знаменитых монастырей. На полпути по дороге, идущей Кедронским ущельем, между Иерусалимом и Вифлеемом на вершине горного хребта стоит монастырь святого Феодосия. Когда-то, во времена своего великого основателя, это была славная обитель, куда более 700 иноков пришли со всех концов земли искать спасения и где ежедневно в четырех храмах на четырех различных языках совершалась Божественная Литургия. Сейчас там живет всего несколько душ, на попечении которых лежит забота о ее благоустройстве и охранении.

Монастырь этот построен над пещерою, в которой восточным волхвам, возвращающимся из Вифлеема, было чудесное видение, направившее их в свои страны, без захода к Ироду в Иерусалим. Много раз разоренный в течении веков, монастырь этот пришел в полный упадок и долгое время был пристанищем кочевых племен. В конце прошлого века около одной трети площади монастыря была откуплена Святогробским Братством и обнесена оградой. Три места в частично восстановленной обители обращают на себя особое благоговейное внимание: во-первых, сама пещера, где находится гробница святого Феодосия и, где среди нескольких других погребальных памятников, стоят рядом две могилы матерей святых Феодосия Великого и Саввы Освященного. Затем развалины базилики постройки времен императора Константина, где сохранилось много орнаментальной скульптуры той эпохи и, наконец, недавно отстроенная церковь на старинном фундаменте, где на полу и кое-где на стенах еще уцелели остатки древней византийской мозаики и, при входе в которую стоит открытая гробница нашей русской княжны — святой преподобной Евфросинии Полоцкой. Правнучка Равноапостольного князя Владимира, она в юных годах приняла постриг и, построив ряд церквей и два монастыря, привлекла к монашеству не мало из своей родни. В преклонном возрасте она отправилась в Святую Землю, где, тяжело заболев, 23-го мая 1173 года скончалась. Согласно ее желанию, она была похоронена в Лавре св. Феодосия. Впоследствии нетленные ее мощи были перевезены в Киев и почивали в Феодосиевской пещере.

Александр Путятин

(Окончание в следующем номере)

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Назначение архиереев на украинские и русские кафедры

Преосвященный Панкратий, епископ Волынский и Ровенский, возведен в сан архиепископа и назначен на кафедру Львовскую и Тернопольскую, вдовствовавшую после кончины покойного архиепископа Фотия.

Преосвященный Палладий, епископ Полтавский и Кременчугский назначен на кафедру Волынскую и Ровенскую с резиденцией в г. Луцке.

Преосвященный Серафим, епископ, епископ Ульяновский и Мелекесский назначен на кафедру Полтавскую и Кременчугскую с резиденцией в гор. Полтаве.

Преосвященный Паисий, епископ Пинский и Полесский назначен на кафедру Ульяновскую и Мелекесскую с резиденцией в гор. Ульяновске.

Преосвященный Паисий, епископ Пинский и Полесский был назначен на кафедру Ульяновскую и Мелекесскую, но, по последним, еще не подтвержденным официально, сведениям, перемещен на соседнюю кафедру Куйбышевскую и Сызранскую, освободившуюся с кончиной приснопамятного архиепископа Алексия (Палицына).

Новый Епископ Чехословацкой Церкви

15-го февраля 1953 г. в г. Михайловцах в Чехословакии Блаженнейшим Елевферием, Митрополитом Пражским и всея Чехословакии и Преосвященными епископами Пряшевским Алексием и Михайловицким Александром была совершена архиерейская хиротония благочинного о. Михаила Милого, в иночестве Мефодия. Преосвященный Мефодий назначен викарным Михайловицкой епархии с титулом епископа Требишовского.

Молебен в день тезоименитства святейшего Патриарха Алексия

25-го февраля, в день св. Митрополита Алексия, небесного Покровителя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, в кафедральном соборе в г. Нью-Иорке было совершено, в присутствии Высокопреосвященного Макария, настоятелем, митрофорным протоиереем Иосифом Дзвончиком в сослужении со священником Иоанном Леварт-Левинским, после литургии Преждеосвященных Даров молебствие о здравии Святейшего именинника.

Патриаршая грамота Г. С. Швецу

В бытность свою в Москве прошлым летом Высокопреосвященный архиепископ получил от Святейшего Патриарха Алексия в дар и благословение Св. Николаевскому кафедральному собору в гор. Нью-Иорке писанный по шелку образ Спаса Нерукотворного. По возвращении в Нью-Иорк Владыка передал образ причту собора, указав в слове с амвона на значение этого дара.

Прихожанин кафедрального собора Григорий Степанович Швец соорудил на свои средства стоячий киот художественной работы, в который, по освящении, был вставлен образ. Киот установлен в соборе перед левым клиросом. Архиепископ Адам доложил об этом Святейшему, от которого вслед за этим им была получена телеграмма следующего содержания:

«Письмо получил. Да пребывает неизменно над архипастырями, пастырями и паствой нашей в Америке благословение Господне в видимом знамении Его святого Образа. Благодарю Григория Степановича за его жертву. Благословенная грамота ему высылается.

Патриарх Алексей».

По получении, грамота, подписанная лично Святейшим Патриархом, была вручена Г. С. Швецу Высокопреосвященным Адамом в воскресенье 1-го марта после Божественной литургии.

Доклад А. М. Путятина о Святой Земле

Духовно-просветительным кружком при Св. Николаевском кафедральном соборе гор. Нью-Иорка был организован доклад возвратившегося из паломничества в Святую Землю кн. А. М. Путятина. Докладчик поделился со слушателями впечатлениями от посещения Святых Мест Поклонения и от бесед с Восточными патриархами — Блаженнейшим Александром, Патриархом Антиохийским и Блаженнейшим Тимофеем, Патриархом Иерусалимским. Впечатления эти составляют предмет ряда статей, печатаемых с ноябрьского выпуска 1952 г. в «Единой Церкви».

Пример, достойный подражания

Организация русских женщин гор. Нуарка, в Нью-Джерзей, устроила в воскресенье 8-го марта в Американско-Русском Центре Нуарка банкет в ознаменование 50-летия Св. Николаевского собора в Нью-Иорке. На банкет, сервированный в большом зале на 200 человек, прибыли во главе с Высокопреосвященным архиепископом Адамом староста собора А. Шумский и представители соборного хозяйственного комитета, сестричества и прихожан. Гости были встречены председательницей кружка М. Семенович.

Владыка Адам прочитал молитву и благословил яства, после чего молодая певица Никтория Новик пропела, под аккомпанимент рояля, американский гимн.

После обеда с обильным угощением Высокопреосвященный Адам произнес слово, отметив в начале его, что молодым священником он был на приходе в Нуарке. Владыка приветствовал устроительниц банкета за почин в деле помощи Св. Николаевскому собору. Говоря о 50-летней истории собора, архиепископ подчеркнул вред, который приносят Православной Церкви в Америке упрямство и забвение Матери-Церкви «сепаратистов в золотых митрах». Верные чада Церкви, сказал Владыке, с терпением и любовью приложат все старания, чтобы восстановить исторический собор в его прежней красоте и величии. Владыка коснулся и своей недавней поездки в Патриархию и рассказал о своем визите к американскому послу в Москве. В заключение от имени Митрополита Макария и своего, он поблагодарил всех собравшихся.

Миссис Семенович был затем произведен сбор на ремонт собора, давший значительную сумму. Представительница сестричества Св. Николаевского собора благодарила собрание за отзывчивость к нуждам кафедрального храма. Был сервирован кофе с бабками — изделиями устроительниц банкета. Виктория Новик пропела несколько красивых романсов. В заключение были показаны фильмы, снятые во время Всероссийского Поместного Собора, избравшего Патриарха Алексия в 1945 г. и торжеств 500-летия автокефалии Русской Церкви в 1948 г.

Сестричество Св. Николаевского кафедрального собора благодарит русских женщин Нуарка и желает им дальнейшего успеха в их плодотворной работе.

А. Т.

ЗАСТУПНИК

РАССКАЗ

С. Гусев-Оренбургский.

I.

О. Никодим исповедовал.

Уж ночь заглянула в церковные окна. Он очень утомился; к тому же мартовский холод давал себя чувствовать. Без конца тянулись перед ним исповедники, выступая из мрака на трепетный свет огарка, крестились, вздыхали, шептали свои несложные грехи. Целое море человеческого греха и страстей, бушуя, проносилось перед ним в тихом шопоте кающихся. Терпеливо стоял он, облокотясь на аналой, выслушивал жалобы мятущихся душ и кротким голосом читал отпущенье, возлагая эпитрахиль и руки на голову кающихся.

— Прощаю... Разрешаю!..

Его старческий голос звучал силою убежденья, когда он говорил эти слова, вздыхая и кротким взором старика взглядывая вверх, как будто в невидимое небо.

Уже подходили последние исповедники.

Вдруг о. Никодим заметил фигуру девушки, бесшумно проскользнувшей на ступени алтаря. Бледное, красивое лицо ее, со следами слез,—ее порывистые движенья привлекли его внимание. Проницательный взор его тотчас открыл в осунувшихся чертах лица ее, в горящих черных глазах и сжатых губах то выражение безумного отчаяния, которое накладывает на лицо человека только страшное горе. Она размашисто крестилась, клала порывистые поклоны один за другим. И наблюдая за нею, о. Никодим почувствовал драму, одну из тех драм деревенской жизни, которые даже на рубеже старости острою болью сжимали его душу.

— Подойди! — тихо сказал он, когда пришла ее очередь.

Она была очень бедно, но опрятно одета. Ветхая, тщательно заплатанная кацавейка плохо защищала ее от холода; она дрожала, а цветной платок, последний признак кокетства, слегка сбился на затылок от земных поклонов. Она близко придвинулась к о. Никодиму и зашептала:

— Батюшка!.. Я не говельщица! Я к тебе пришла... потому что... Я боюсь самой себя! Батюшка! Я не знаю, что мне с собой делать, куда мне деваться... Тоска смертная мучит!

Она еще ближе придвинулась к нему и зашептала шепотом, в котором звучали ужас и отчаяние.

— Я на себя руки наложить хотела!.. С сердцем своим не могу совладать... Батюшка! Я непрощеная грешница... Я на себя позорище навлекла...

Сбиваясь и путаясь, она рассказала ему свою историю. Это была обыкновенная история соблазна, история, так ему знакомая. Он, этот таинственный «он» большинства житейских драм женской жизни, был главной причиной ее горя. Он обещал жениться на ней, и она поверила ему в пылу любви. Но у них первый дом на селе, а она бобылихина дочка... Она готова бы проклясть его за обман, да любовь в ее сердце горит пуще прежнего, словно чарами приворожил он ее. Уж ему и другую невесту засватывают, на Красной горке сделают свадьбу...

— Не могу, не могу! — рыдала она перед аналоем безнадежно-отчаянным рыданьем. — Ведь я теперь по селу распуткой стану... Не могу я этого сраму вынести. Батюшка... Я на Бога роптала! Я бы в землю зарыться хотела.

Долго утешал о. Никодим девушку. Это плачущее горе надрывало его сердце жалостью...

— Скажи-ка мне: чей парень-то — спросил он.

Она проговорила сквозь рыданья:

— Алехин... Иван...

— Знаю... Семейство хорошее. Старик-то крутенек, да рассудительный. И парень как бы не такой, чтобы бесчестно поступить. А ты ведь, кажется, вдовы Шмыревой дочка, Лукерья, да?

— Да, батюшка...

— Вот что, девушка... На Бога не ропщи! Он беды наши с высоты небесной видит и помогает нам, если заслужим. Топиться там, или еще чего...

Боже тебя сохрани! Душу загубишь и свою... и... А ты вот послушай-ка меня... Я исподтишка то, потихоньку похлопочу за тебя. Может быть, что и сделаю...

Она с просветлевшим лицом так и рванулась к нему, взглянув в лицо его, как только смотрят на иконы в минуты высшей скорби, хотела что-то сказать и только припала к руке его.

— Ну, ну... скороспелочка, — ласково шептал о. Никодим, гладя ее по спускавшимся волосам, — не плачь, утешься...

И возложив на нее эпитрахиль, он с чувством стал читать над ней разрешительную молитву...

— Прощаю...

II.

Как ни утешал о. Никодим обманутую девушку, стараясь вдохнуть в нее упавшую бодрость духа, сердце его сжималось при мысли о ее судьбе. За долгую жизнь не одна такая драма прошла перед его глазами, горько волнуя невозможностью помочь. Когда-то он кипел и возмущался, созерцая человеческую жестокость, упорную, темную бессердечность многих явлений жизни. Он восставал и боролся. Но житейский опыт скоро показал ему всю бесполезность открытой борьбы. Как искренний и умный человек, он понимал, что дело в вековой темноте, и с пылом юного духа поставил себе целью борьбу с ней. Он старался влиять через школу, посредством церковных бесед, которые вел систематически, посредством исповеди, когда наиболее тесно приходилось соприкасаться с самыми тайниками души. Он пользовался каждым удобным случаем при столкновениях с прихожанами, чтобы «наставить, научить, просветить». «Настой благовременне и безвременне», — этот текст с настойчивостью искреннего сердца он ставил во главу угла своей пастырской деятельности. Когда голова его засеребрилась, покрываясь белым снегом жизненной зимы, он нашел плоды своей честной жизни во всеобщем уважении, в доверии, с которым относились к нему прихожане, в том взрыве сочувствия, которое оказал ему приход, когда вскоре, одно за другим, постигли его несчастья: смерть жены и единственной дочери, умершей в шестнадцать лет. Но зато с годами он убедился, что есть многое в условиях жизни, против чего бессильна единичная борьба. Он слишком хорошо понял неравновесие между религиозностью человека и требованиями его эгоизма, понял всю трудность борьбы там, где так или иначе задевается человеческий «интерес». Открытая борьба в этом случае возбуждала страсти, протесты, скрытую вражду и редко приводила к желаемой цели... И в данном случае с обманутой девушкой он хорошо понимал, что она почти обречена погибнуть, если не сложатся счастливо для нее обстоятельства. Он знал семью Алехиных. Гордость старика, нажившего достаток на торговле киргизским скотом, не была для него тайной. Алехин презрительно относился к бобылям-крестьянам, гордясь прошлыми успехами своей жизни, и, как всякий разбогатевший прасол, мечтал породниться, во всяком случае, с кем-нибудь из своей же братии «богачей». В этом была его гордость, амбиция, честь! Тут приходилось вступить в борьбу с жестокой религией молоха. О. Никодим понимал это и почти не надеялся. Однако жалость волновала его.

— Бедняжка... Как мне помочь ей? Это натура порывистая, страстная. Она может погибнуть — наложить руки на себя или... Нет! Ради памяти дочки я должен ей помочь... Но как?

Через три дня о. Никодим собрался итти по приходу.

Собравшись, он долго рассматривал на этажерке свои книги и одну взял с собой.

Неторопливою походкой пошел он через площадь к одной из улиц поселка. За ним следом выехал работник на Гнедке.. Была уже обеденая пора, когда о Никодим, окончив порядок, подошел к Алехиной избе. Изба была просторная, на пять окон, с затейливой резьбой по карнизу и оконным плинтусам, со ставнями, окрашенными в зеленую краску, с резным крылечком, с палисадником, с крепкими воротами на городской манер, — словом это была не изба, а дом, представлявший смешение крестьянского и мещанского жилья. Навстречу батюшке вышел, распахнув ворота, высокий, могучий, как дуб, седой старик, с бровями, сурово нависшими над маленькими, холодно-проницательными глазами. Поздоровавшись с батюшкой и приняв благословение, он сказал:

— Устал, мотри-ка, отец? Отдохни за чайком. Даром время потратил, мотри-ка? Беднота у нас тут... Голяк народ?

Он презрительно засмеялся и крикнул:

— Иван! Насыпь-ка батюшке большую мерку кубанки... Да баранью ногу прихвати.

Вошли в избу, полную народа.

Две молодухи живо собрали на стол угощенье: пирогов с капустой, с маком, морковью, сушек, изюму.

Внесли самовар.

— Чем богаты, батюшка... Не ждали, извини! — угощал Алехин.

Разговорились за чаем о посеве, о близкой весне.

— А где у вас Иван? — спросил, между прочим батюшка.

— Убирается по двору... Да вот и он.

В избу вошел высокий, белокурый парень очень смирный на вид, с мягким голосом и обращением.

— Вырос он у вас... Давно-ли маленький был! — сказал о. Никодим.

— Старое старится, а молодое растет... Восемнадать исполнилось.

— Женить пора!

— Девицы подходящей нет... А пора бы! Балуют в эти годы парни...

— Возраст опасный! — сказал о. Никодим, — садись-ка, Иван, выпей с нами чайку, человек-то ты взорслый, скоро сам хозяином будешь.

Иван слабо улыбнулся и сел.

— Да! — вздохнул о. Никодим: — опасный возраст... Страсти кипят в человеке и увлекают на зло. Сколько мне на моем веку приходилось выслушивать признаний о проступках в эти годы. Помню, один парень признался мне, что соблазнил девушку... бедную... сироту... Соблазнил и бросил! Женился потом на другой, а та бедняжка не вынесла позора, наложила руки на себя! И что же бы вы думали? Парню тому не было тоже в жизни счастья. Дом его сгорел, скот пал в один год. Разорился он, к тому же болезнь какая-то напала на него, искалечила. И стал он последним человеком в обществе, от которого все с презрением отворачивались. Праведен Господь, но гневен на беззаконных...

О. Никодим говорил все это тихо, не спуская глаз с Ивана. Иван загорелся пожаром, закашлялся и едва не выронил блюдечка. Это не скрылось от проницательных глаз старика Алехина.

— Ну, — сказал он, сурово: — смотри-ка, как ты парня смутил! Скажи лучше: между тех-то шилохвосток тоже есть анафемы, — сами на шею лезут. В бабе все зло... В писании сказано, что она гостиница бесовская.

— Ни в каком писании этого не сказано! А в писании вот что сказано: — горе тому человеку, через него же соблазн в мир входит... Легче бы ему было жернов мельничный на шею надеть и броситься в пучину морскую... В писании также сказано: — не убий!

Алехин проницательно посмотрел на о. Никодима.

— Это ты к чему же говоришь, батюшка? — спросил он.

— На твои слова отвечаю. Ты сказал, что в бабе все зло... Разве это правда, разве это по-христиански сказано? Зло лежит ни в бабе, ни в мужике. Оно — в худом слове, в худом поступке. Худое слово, как семя, в душе росток пускает, а худой поступок подает худой пример и на зло толкает. Худое слово, худой поступок — это соблазн, а кто соблазняет, тот — убийца, потому что губит душу ближнего своего, развращая ее. Тому в жизни никакого пути не будет! Если сделал худой поступок, то надо всеми мерами стараться исправить его. Погоди-ка, я вот прочту вам одну историйку, — хорошая у меня тут историйка есть...

Он взял книгу и раскрыл ее на заложенном месте.

В комнате собралась вся семья, прислушиваясь к разговору. О. Никодим стал читать. Это было рассуждение о том, как можно убить человека словом и делом. Там приводились примеры такого убийства и, между прочим, рассказывалось, как один римский вельможа — язычник отнял честь у христианской девушки и та лишила себя жизни, а потом явилась соблазнителю вся в адском пламени и просила спасти ее. Случай этот так подействовал на вельможу, что он вскоре принял христианство и всю жизнь замаливал свой грех.

— Этот случай надо бы помнить всем молодым людям, соблазняющим девушек! — сказал о. Никодим: — горе им, потому что они убивают душу! А в простом быту это сплошь да рядом бывает: обманет парень из достаточной семьи девушку хорошую, честную, работящую, только бедную, потом бросит ее, а часто и взял бы, да родители не позволяют, потому что метят взять за сына богатую... Скажи-ка мне, Герасим Степаныч, — не правда ли, что это постыдное и греховное дело?

Алехин исподлобья смотрел на о. Никодима.

— Ты, отец, — мотри-ка, я гляжу, загадки гадаешь!

— Ну, на всякую загадку бывает в свое время и разгадка! — сказал о. Никодим, поднимаясь с места; — а пока, хозяин с хозяюшкой, — за угощенье спасибо... Надо итти.

И он обратился к Ивану.

— А ты, Иван, не говел еще, кажется?

— На будущей неделе буду говеть, батюшка! — сказал Иван тихо и потупившись.

— То-то!

За воротами о. Никодим сказал Алехину.

— А ты, Герасим Степаныч, над моими словами подумай-ка... Может, пригодится. Знаешь ведь меня: слова зряшнего говорить не люблю я.

— Не знаю, батюшка, об чем твоя речь... Невдомек мне.

— А ты вот подумай. Не как язычник, а как христианин подумай. А придет время, и поговорим мы с тобой. А пока прощай-ка, друг, — итти мне надо...

Он пошел далее своею неторопливой походкой к следующим воротам, около которых уже давно поджидал его мужик с хлебом в руке. Алехин смотрел ему вслед в суровом недоумении...

— Загадки гадает поп! — угрюмо бормотал он себе в бороду.

III

На страстной неделе о. Никодим заметил Ивана в числе говеющих. Он показался ему осунувшимся и задумчивым. В великую среду опять целые сотни исповедников прошли перед о. Нико-

димом и исповедь затянулась до поздней ночи. Одним из последних подошел Иван.

О. Никодим встретил его сурово.

— Совесть мучит, Иван?

Тот вспыхнул и промолчал.

— Говори же! Я все знаю... Что думаешь делать с Лукерьей?

Иван молчал, только лицо его горело и тряслись руки.

— Прости, батюшка! — прошептал он, наконец: — грех вышел.

— Грех... Грех! — вскричал о. Никодим: — а как же ты думаешь исправить этот грех? Жениться?

Иван молчал.

— Отвечай же! Женишься ты на ней или нет?

— Не моя воля! — чуть слышно прошептал Иван.

— А соблазнять-то чья воля была? Твоя? А опорочить хорошую девушку, обмануть ее лаской да обещаниями, твоя была воля? Убийцею стать — твоя воля?

Иван низко опустил голову.

Его, видимо, сильно смутило последнее слово.

— Да, да! — гневно шептал ему о. Никодим, заметив смущение: — ты убийца! Ты не из тех, кто убивает на большой дороге прохожего... Те убивают тело... А ты душу убил! Ты опорочил девушку... Обманутая тобою, она может руки наложить на себя, или пойдет по дороге разврата, — душу свою погубит. И ты будешь убийцей души ее! У нее есть ребенок от тебя... Его будут звать всеми гнусными именами, он не будет знать своего отца или будет проклинать его! Все его будут обижать и некому будет за него заступиться. Он возненавидит людей, погибнет, развратится. И ты, один ты будешь виновником его погибели... Ты двойной убийца!

— Батюшка! — шептал Иван дрожащими губами: — я не обманывал! Я ее и теперь люблю.

Женись! Зачем же дело стало?

— Отец ни за что не соглашается... Он богатую прочит.

— Раньше-то ты знал, что он не согласится? Когда девку-то ласковыми словами улещал... Тогда-то знал?

Парень молчал.

— Говори же! — настаивал о. Никодим: — знал?

— Знал! — вдруг с каким-то отчаянным проявлением чувства произнес парень: — да уж очень я крепко любил ее! Словно чарами она приворожила... Думал я, что уговорю родителя, а если не согласится, отделюсь. А потом...

— Что же потом?

— Проклянет он меня, родитель-то, а не согласится! Сколько раз слово у меня с языка просилось, да не смею я... Не могу я против родителя итти.

О. Никодим покачал головой.

— Эх, парень-паренек, — произнес он уже менее сурово: — млад ты, юноша неразумный... Умел грех сотворить, а поправить того греха силенки — храбрости не хватает! Вот что скажу я тебе: ты в грехе, ты и в ответе... Изволька дело поправлять.

— Как, батюшка, поправишь... Сурьезен родитель-то. Я бы всей душой: мне люба Лукерья... Родитель-то и то все пытал меня, о чем это ты ему говорил намедни... Хмурый ходит, злой.

— Ты что же ему сказал?

— Да я...

— Все сказал?

— Смолчал...

— Посмотрю-ка я на тебя, парень — глупее тебя во всем селе не найти.

Иван вспыхнул до корней волос.

— Убьет родитель-то, — прошептал он. — Уж они совсем со станичным писарем сговорилась их Анютку сватать.

— Вижу я, Иван, большой ты трус! Будь Лукерья моя дочь, ни за что бы за тебя не отдал. Какой ты мужик, ты — заяц!

Иван не знал, куда ему смотреть.

— Я скажу, батюшка! — произнес он, наконец.

— Давно пора, кролик ты курносый! Знаешь ты, что Лукерья-то топиться ходила, да Господь ее отвел... Когда скажешь?

— Ска-жу...

— Струсишь, заяц?

— Скажу, батюшка... Пускай хоть бьет родитель-то, буду говорить, что кроме Лукерьи никого не возьму!

— То-то! Без этого ко мне и на глаза не показывайся. Так и буду зайцем звать, на селе всем расскажу. Экой рам! Улюлюкать вслед будут... Любимую девушку, скажут, отстоять не мог! Тру-с!!!

— Ей-Богу, батюшка, скажу! Сегодня же, как приду, так и скажу... Так вот и скажу!

— Отлично сделаешь. Помни, Иван! Без твоего согалсия ни с кем тебя силком не повенчают. Строго тебя Бог в жизни накажет, если Лукерью не отстоишь. Ни в чем тебе удачи не будет. Беда за бедой падут на твою голову! Презренный ты станешь человек на земле!.. Вслед тебе будут пальцами показывать и говорить: вот негодяй, погубивший доверчивую девушку! Иди же! Сегодня я не дам тебе отпущения грехов!

Иван загорелся пламенем.

— Батюшка!

— Не дам! — строго сказал о. Никодим: — ты боишься людских пересудов, а греха не боялся... Иди! Этого никто знать не будет. Исправляй, пока не поздно, твой проступок, прими все меры, в ногах у отца валяйся, проси... А завтра во время утрени придешь ко мне. Иди же, и да поможет тебе Господь!

Бледный и трепещущий сошел Иван со ступеней клироса и скрылся бесшумной походкой в полумраке церкви.

Утреня была рано, задолго до света.

Церковь наполняла такая масса говельщиков, что стены «отошли» и с потолка капало, — а в воздухе жарким туманом стоял пар от дыхания людей. Во время чтения кафизм о. Никодим исповедовал в алтаре мужчин. Между ними пришел и Иван.

— Говорил? — спросил о. Никодим.

Иван был очень смущен.

— Сказал! — ответил он.

— Что же?

— Спокойно выслушал родитель-то, только насупился очень. Как туча стал! Скажи, говорит, батюшке: старик Алехин шестой десяток живет, у него своего ума-разума достаточно запасено, на двоих хватит...

— Гордыня! Ну, а ты что же? Настаивал?

— Батюшка... Я так и сказал, — окромя Лукерьи никого не возьму! Я, говорю, люблю ее крепко... то-есть Лушу-то!

— Ну, ну?

— Зеленый стал родитель. Я думал, хватит он меня чем. Помолчал так-то, потом сказал: — Иван... Ты завтра причащаться будешь? Ну, — и причащайся... А об этом мы с тобой после поговорим.

— Плохо, — подумал о. Никодим.

Потом сказал:

— Вижу я, Иван, что ты парень хороший, добросовестный, только трус большой, бесхарактерный. Прощу я тебе грехи и к причастию допущу, но только в том случае, если ты мне обещание дашь!

Иван потупил голову.

— Какое? — прошептал он.

— Настоять на своем, и загладить грех браком.

Он еще ниже опустил голову.

— Как же, — лепетал он: — против родителя...

— Вздор! Герасим Степаныч человек рассудительный, он поймет и согласится в конце концов. Только надо настаивать и крепко держаться. Я буду за Лукерью стоять... Понимаешь? Я!.. И ты должен помогать мне! Все перенеси, и ругань, и побои, но настой! Герасим Степаныч силу характера уважает. Иначе, как же я тебе грех отпущу, если ты в нем не каешься.

— Я каюсь батюшка!

— Покаяние искренно тогда только, когда человек всем сердцем стремится исправить и загладить свой грех... Иначе это — ложь, обман! Обещаешь?

— Обещаю, батюшка! Под лад им не дамся. Все равно, пусть бьют, пусть мучают...

— Мучать-то не будут, заяц ты этакий. Только помни, Иван, нарушишь обещание, — и Бог тебя не простит, и я не прощу! А теперь подойди сюда, встань на колени, молись...

Когда Иван выходил из алтаря осторожною походкой, о. Никодим думал ему вслед:

— Экой слабодушный... Сердце доброе, а нрав — куриный.

С. Гусев-Оренбургский

(Окончание в следующем номере)

Prayer for blessing vehicles of travel

(AUTOMOBILES, etc.)

The Priest, vested in his Epitrachelion, begins in the usual way: Blesser is our God: Amen, the Trisagion; and after Our Father: For thine is the Kingdom.

O Master Lord our God, hearken to this our prayer with we now address thee and bless † with thy holy Right Hand this vehicle. Send down upon it thy Guardian Angel, that all who desire to journey by it may survive freed and shielded from every evil end. And as through thine Apostle, the Ethiopian man, riding in the chariot and reading of thy holy prophecy, was granted Faith and Grace, so now manifest the path of salvation to thy servants who shall travel by this vehicle, that with thy helping Grace they may be clothed upon with good works, and after the completion of this life, may be vouchsaved everlasting joy in thy Heavenly Kingdom. For thine is the might and the kingdom and the power and unto thee we ascribe glory to the Father, and to the Son, and to the Holy Spirit: now and ever, and unto ages of ages. Amen.

The Priest sprinkles the conveyance with Holy Water, saying:

This vehicle is blessed and hallowed by the sprinkling of this holy water, in the Name of the Father, and of the Son, and of the Holy Spirit. Amen.

The Dismissal

May Christ, our true God, through the prayers of his immaculate Mother, through the intercessions of the honorable Bodiless Powers of Heaven, of the holy, glorious and all-laudable Apostles, of the holy Martyr Christopher, of Saint N. (of the day), and of all the Saints, have mercy on us and save us, forasmuch as He is good and loveth mankind.

(Trans. D. F. A.)

Printed by Rausen Bros., 417 Lafayette St., New York 3, N. Y.